Мнение о первичности рассказов 1380—1382 гг. в Ермолинской летописи по сравнению с С1Л и Н4Л и другими летописями никак не подтверждается и более широкими наблюдениями по истории летописания.

Из числа летописных сводов XV в. наиболее древним является, очевидно, свод 1408 г., содержавшийся в Троицкой летописи (эта летопись погибла во время пожара 1812 г., но текст ее может быть восстановлен по выпискам Н. М. Карамзина, Симеоновской летописи и некоторым другим источникам). Следующим известным нам этапом в истории русского летописания следует считать свод, лежащий в основе С1Л и Н4Л («Новгородско-Софийский свод» или «Свод 1448 г.»), — двух летописей, дошедших во многих списках и вариантах и совпадающих между собой на большом протяжении — от начала летописи до 1418 г. С1Л, в свою очередь, была источником целого ряда московских великокняжеских сводов второй половины XV в. Судьба рассказов о Куликовской битве и походе Тохтамыша XV в. была связана с судьбой летописных сводов, в состав которых она входила. Первоначальными версиями этих рассказов были относительно краткие известия Свода 1408 г. (Троицкой летописи), дошедшие до нас в Симеоновской летописи. Оба эти рассказа были использованы и значительно распространены в «Новгородско-Софийском своде». Рассказ С1Л перешел (с некоторыми изменениями) в московские великокняжеские своды.[16] Какого же происхождения рассказы о событиях 1380—1382 гг. в Ермолинской летописи? Состав и происхождение первой части Ермолинской летописи (до 1425 г.) были исследованы А. Н. Насоновым, показавшим, что в основе этой части Ермолинской летописи лежит тот же источник («Свод Феодосия—Филиппа» 60-х гг. XV в.), по которому была дополнена и одна из великокняжеских летописей — Московский свод 1479 г.[17] Этот летописный текст был явно вторичным по отношению к «Новгородско-Софийскому своду»; никаких примеров влияния Ермолинской летописи (или «Свода Феодосия—Филиппа») на С1Л и Н4Л мы не знаем. Если бы рассказы Ермолинской летописи о Мамаевом побоище и нашествии Тохтамыша были (как думают упомянутые выше авторы) первичны по отношению к рассказам «Новгородско-Софийского свода», то это обстоятельство требовало бы специального объяснения и, возможно, даже пересмотра общих взглядов на историю летописания XV в.

жений...» (М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв., стр. 249—250). Но приведенная фраза (которая могла быть написана и значительно позже — после смерти Дмитрия и Олега) читается совершенно одинаково и в Ермолинской, и в С1Л—Н4Л, и в Московском своде конца XV в. (ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 90; т. XXIII, СПб., 1910, стр. 129; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 210); она не имеет поэтому особого датирующего значения для Ермолинской летописи. То же можно сказать и о замечаниях о мужестве Дмитрия Донского во время Куликовской битвы, которые читаются в Ермолинской летописи и в которых Л. В. Черепнин (стр. 619) усматривает черты полемики со «Сказанием о Мамаевом побоище». Но эти замечания также читаются во всех перечисленных летописях (ПСРЛ, т. IV, стр. 81; т. XXIII, стр. 126; т. XXV, стр. 204). Если они представляют собой полемику со «Сказанием», то это говорит как раз об относительно позднем происхождении летописного рассказа, ибо «Сказание» создано уже в XV в. (ср.: Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 421—423).

[16] Зависимость рассказов о Куликовской битве и нашествии Тохтамыша в «Новгородско-Софийском своде» (и последующих сводах) от рассказа Троицкой (Симеоновской) летописи доказана М. А. Салминой. Ср.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 345—348 и 355—364.

[17] А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, стр. 260—274.